

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПЕРВАЯ РАБОЧАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В РОССИИ

Б. С. Итенберг

«Недели полторы тому назад ко мне явился неизвестный мне до того времени Павел Толстоносков, служащий в Одессе на станции железной дороги «Куликово» машинистом парового отопления, и заявил мне, что он в трактирных заведениях встречал молодых людей из мастеровых, которые говорили ему, что в Одессе существует общество для распространения революционной пропаганды и сочинений, и приглашали его вступить в это общество и оказать им содействие для распространения книг, которые ему впоследствии показывали»¹. Так доносил 11 декабря 1875 г в III отделение начальник одесского жандармского управления полковник Кноп.

1. Рабочая Одесса

Портовое положение Одессы определяло отчасти ее социально-экономическое развитие: туда прибывали многочисленные товары, а затем по железным дорогам распределялись по внутренним губерниям России или отправлялись морем за рубеж. В городе развивалась промышленность. На механическом заводе Беллино-Фендерих трудились 500 рабочих, на металлургическом Гулье-Бланшарда — 350. Около 1 тыс. рабочих было занято в железнодорожных мастерских. На механическом заводе Бертрана изготовлялись паровые котлы. В Одессе функционировали проволочная, гвоздильная, мебельная, пуговичная фабрики, стекольный завод и другие предприятия².

В городе скоплялось много пришлого пролетариата: штукатуры, каменщики, плотники, рабочие, занятые очисткой зернового хлеба. «Представьте себе, — писала эмигрантская газета «Вперед!», — какой железной энергией должны обладать эти рабочие, когда им приходится с рассвета до заката солнца стоять в трюмах и глотать облака пыли от сыплющегося туда зерна... Босоногие большую часть своей жизни проводят в гаванях, ночуют летом и осенью под открытым небом, зимою же в паровых котлах, лежащих на набережной, и в порожних бочках»³. Особенно тяжело пришлось трудовому люду в 1873—1875 годах. То были годы неурожая, кризиса, безработицы. Пала заработная плата, росла нужда...

В портовой Одессе быстро находили отклик революционные события. Еще в начале 1860-х годов там действовало нелегальное «Революционное агентство», связывавшее подполье России с революционерами Англии и Франции⁴. Ретроградные катковские «Московские ведомости» называли Одессу «международной станцией для сообщения со всеми революционными центрами Европы...»⁵. III отделение настойчиво предостерегало местное жандармское управление: держите ухо востро! При этом не обходилось и без курьезов. В августе 1871 г. новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору секретно сообщили: «Представитель германского отдела интернацио-

¹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Сборник документов и материалов. Т. II, ч. 2. М. 1950, стр. 97.

² «Фабричная статистика г. Одессы». Одесса. 1875, стр. 32—51.

³ «Вперед!», 1875, № 3.

⁴ Г. И. М а р а х о в. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев. 1967, стр. 109.

⁵ «Литература 60-х годов по отчетам III отделения». «Красный архив», 1925, т. I (8), стр. 214.

нального общества и один из деятельнейших членов оною литератор Карл Маркс с английским паспортом под именем Валласа намерен пробраться в Россию со злонамеренной целью»⁶. Одесские жандармы рьяно взялись за проверку документов у прибывающих из Англии. И вскоре выполнили «ответственное задание»: Маркс был арестован. Задержанный оказался респектабельным английским купцом, озабоченным лишь коммерцией⁷...

Среди материалов одесского жандармского архива есть дело «О существовании будто бы в Одессе отдела интернационального общества». Дело возникло в связи с тем, что 3 января 1872 г. из III отделения было получено секретное предписание. В нем говорилось: «На бывшем 8-го прошлого декабря заседании цюрихского славянского отдела Интернационала некто Жуковский сообщил, что в Одессе, Калуге и Житомире образовались отделы Интернационала. Во главе одесского отдела находится студент тамошнего университета»⁸. В действительности в Одессе отделов Интернационала не было. Но влияние международного социалистического движения здесь чувствовалось тогда, пожалуй, сильнее, чем в любом другом городе Российской империи.

2. Начало

Началось все с небольшого кружка. Группа рабочих завода Беллино-Фендерих во главе с Д. Е. Изотовым в конце 1872 г. решила заняться самообразованием. Сняли большую комнату, пригласили студентов Новороссийского университета преподавать русский язык, арифметику, геометрию. Такая тяга к знаниям была характерна для сознательных рабочих России. Царизм же всячески тормозил и гасил это стремление. Не зря Петр Алексеев в своей знаменитой речи на суду гневно спрашивал: «Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться?»⁹. Постепенно самодеятельность рабочих расширялась. Появилась библиотека; ее подарил студент И. М. Ковальский. Она состояла из журналов «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», книг исторического содержания. Была выписана демократическая газета «Неделя». Постоянными участниками кружка являлись рабочие Д. Е. Изотов, Г. У. Осуховский, Н. Б. Наддачин, Д. П. Гренко, П. Г. Сикачин, Ф. И. Кравченко и другие. Занятия способствовали умственному развитию рабочих, но они носили сугубо просветительский характер и не утоляли полностью жажды знаний. С мая 1873 г. деятельность кружка приобрела более радикальный характер. Вот как это произошло. По свидетельству Д. П. Гренко, знакомый Изотова И. М. Ковальский как-то сказал ему: «Что это за учителя! Вот я вам дам хорошего учителя», — и познакомил его с Е. О. Заславским¹⁰.

Несмотря на некоторое влияние на Заславского народнической идеологии, он полагал, что наиболее активная роль в революционном движении принадлежит пролетариату. В беседах с рабочими он подчеркивал, «что фабриканты эксплуатируют рабочих, а правительство этому покровительствует», что нужно свергнуть царизм и передать средства производства в руки рабочих¹¹. Слушатели поначалу оставались глухи к призыву Заславского. Их занимала идея ссудо-сберегательных касс и артельных предприятий. Кассы и артели казались им теми рычагами, которые вызволят рабочих

⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1871, д. 50, ч. 1, л. 106.

⁷ В связи с арестом он через английское посольство представил иск одесскому жандармскому отделению (ГАОО, ф. 2, д. 1383, 1872, л. 2).

⁸ «Интернационал в Одессе». «Каторга и ссылка», 1924, № 4 (11), стр. 124. Н. И. Жуковский — член Интернационала, сторонник М. А. Бакунина.

⁹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 45.

¹⁰ «Южно-русские рабочие союзы». М. 1924, стр. 135.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 112 (Особое присутствие Правительствующего сената), оп. 1, 1876, д. 187, лл. 41—41 об. Почти одновременно с Заславским революционную пропаганду в Одессе вел В. П. Обнорский. Осенью 1873 г. он приехал из Петербурга и привез нелегальную литературу, которую начал распространять среди рабочих. С петербургским революционером сблизилась рабочая Г. Баранцев, Ф. Кравченко, Я. Рыбицкий. Весной 1874 г. Обнорский устроился смазчиком на одном из пароходов и отплыл за границу.

из трясины нужды. Но неудачная попытка организовать такую артель (рабочие пытались открыть баню) привела к поискам иного пути. Рабочие постепенно убеждались в необходимости революционной борьбы. Одними из первых пришли к такому выводу ученики Заславского с завода Беллино-Фендерих. В начале 1875 г. они сплотились в кружок единомышленников, явившийся зачатком «Южнороссийского союза рабочих».

Почти в это же время на механическом заводе Гулье-Бланшарда по инициативе литейщика Яна Рыбицкого возникла ссудо-сберегательная касса со специальным уставом. Весть о ней быстро распространилась и среди рабочих других предприятий. Появилось много желающих стать ее членами. Особенно живо заинтересовались кассой в железнодорожных мастерских. Дело разрасталось. Нужен был авторитетный вожак. Обратились к Заславскому. Но, ознакомившись с уставом кассы, Заславский заявил, что такой устав не годится для рабочих¹². Нужен был иной устав. И Заславский решил объединить рабочих ряда предприятий для социальной борьбы. О том, что произошло дальше, можно узнать из показаний члена «Южнороссийского союза рабочих» М. Ф. Курганского. В один из праздничных дней рабочие собрались в трактире. Туда пришел и Заславский. Затем, соблюдая осторожность, все небольшими группами отправились к Тираспольской заставе. «Прибыв в стень за церковь, вся компания остановилась, и здесь повели разговор о необходимости учредить кассу рабочих. Главным предводителем был Заславский; он больше других говорил, что касса необходима, что такие же кассы устроят и в других городах и что из Одессы поехали известные ему два лица в Ростов для устройства такой же кассы; ...Заславский тут же говорил, что он уже положил начало кассе между знакомыми ему городскими и что теперь ему нужно устроить такую же кассу между мастеровыми»¹³.

Призыв нашел отклик. Уже спустя несколько дней в цехах железнодорожных мастерских появились депутаты, которые начали собирать взносы. По просьбе рабочих Заславский составил «Устав братской кассы одесских рабочих», в котором прямо говорилось «о борьбе с привилегированными классами»¹⁴. Однажды в воскресенье на квартире Я. Рыбицкого собрались представители различных предприятий Одессы. Они обсудили «Устав братской кассы». После этого с уставом ознакомились все члены кассы. Немало нашлось и таких, кто не согласился с революционной направленностью устава и не явился на загородную сходку, где проходило его обсуждение¹⁵. Но наиболее развитых рабочих, напротив, привлекал именно боевой дух устава. Они стремились объединиться в борьбе с социальной несправедливостью. Летом 1875 г. после нескольких сходов и тщательного обсуждения был принят новый устав — устав «Южнороссийского союза рабочих». Участники «Союза» пришли к выводу: существующий порядок «не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих», «рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота», «переворот может произойти только при полном сознании рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении». Текст устава «Южнороссийского союза рабочих» обнаруживает явное влияние идей Интернационала¹⁶. И это особенно симптоматично: в уставе говорилось о «будущей борьбе с установившимся экономическим и политическим порядком». Так впервые в российском рабочем движении прозвучал (пока еще приглушенно) призыв к политическому освобождению трудящихся.

Рабочий «Союз» представлял собой конспиративную организацию. Его структура была достаточно целесообразной: она позволяла расширять районы пропаганды, вовлекать новых участников в движение и в то же время в какой-то мере гарантировать от провала всю систему. Об этом Заславский довольно подробно рассказал в

¹² Там же, л. 54.

¹³ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 107. Под городскими, вероятно, имелись в виду прежде всего рабочие из типографии Заславского.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 1876, д. 187, л. 54.

¹⁵ «Южно-русские рабочие союзы», стр. 96.

¹⁶ На вводную часть устава оказал влияние «Временный устав Международного товарищества рабочих», написанный К. Марксом. Многие организационные пункты устава заимствованы из устава «Международной ассоциации рабочих Центральной женеvской секции I Интернационала» (см. Б. Итенберг «Южнороссийский союз рабочих» — первая пролетарская организация в России. М. 1954, стр. 37—40).

корреспонденции, написанной в сентябре 1875 г. для газеты «Вперед!»¹⁷. Отметив, что «Союз» делится на три общества (Одесское, Кишиневское, Ростовское), а каждое общество — на группы, Заславский объяснил мотивы такого построения желанием «поддерживать постоянные сношения каждого члена со своим обществом и общества с каждым членом в отдельности и в то же время разбить на возможно малые группы для невозможности подлому правительству уничтожить всю организацию, если бы оно напало каким-либо образом на одну группу. Никаких списков, записок, квитанций не существует. Члены разных групп сообщаются между собой посредством депутатов, которые собираются раз в неделю для обмена мыслей и сообщения новостей, происшедших в группе». Большая осторожность проявлялась и при вовлечении новых членов в «Союз». Вступающий вначале знакомился лишь с некоторыми лицами ближайшей (территориально) группы и только потом со всей группой. «С целой же организацией, — писал Заславский, — его знакомят только тогда, если вся группа убедится в возможности ему доверять свои дела и цели»¹⁸.

Столь тщательно продуманная конспиративность дала благие результаты: щупальцам политического сыска не удалось обнаружить и задумать все подразделения организации, возглавляемой Заславским. В то же время эта сугубая конспиративность в некоторой мере сузила представления историков о «Южнороссийском союзе рабочих». Согласно сведениям, которыми мы располагаем, в Одессе существовало 6 групп «Союза» с ядром, насчитывавшим примерно 60 активных членов. К ним тяготело до 200 сочувствующих. Архивные и мемуарные источники позволяют пристальнее взглянуть на застрельщиков и пионеров российского рабочего движения. Можно не только назвать их имена, но и обозначить некоторые черты их биографии, причем общим и определяющим для всех этих людей было то, что все они познали нужду и гнет.

Одиннадцатилетним мальчиком встал у слесарного верстака Федор Кравченко. В начале 1873 г., будучи рабочим железнодорожных мастерских, он приобщился к революционным идеям и уже вскоре стал активным пропагандистом «Южнороссийского союза». Рабочий П. М. Силенко рассказывает: «Кравченко, который, постоянно возвращаясь со мною по окончании работ на квартиры, сперва говорил, что положение наше, рабочих, плохое, что следовало бы устроить кассу, которая в случае нужды оказывала бы нам помощь...»¹⁹. Затем пропагандист предложил своему товарищу книги, сначала незапрещенные, потом нелегальные. Летом 1875 г. Силенко был вовлечен в «Союз». Сын солдата, он родился в 1850 году²⁰. Отец его тянул лямку армейской службы, а мать растила шестерых детей. «До 1875 года, — говорил Силенко, — мне приходилось повремено проживать в четырех городах Херсонской губернии скитающимся ремесленником, не обеспеченным даже завтрашним куском хлеба; я видел и испытал всю неустойчивость положения рабочего и знал, что ему нет выхода из этого положения, что он обречен всю жизнь свою влачить полусытым, полуголодным бездомником»²¹.

Слесарь М. Ф. Короленко подростком пришел на завод Беллино-Фендерих, затем работал в железнодорожных мастерских, где и узнал от Силенко о существовании «Союза». Одним из организаторов группы «Союза» на заводе Гулье-Бланшарда был 37-летний металлист С. Д. Луценко. Суровый жизненный путь привел его к твердому убеждению в необходимости революционной борьбы. Яркий облик Луценко описал участник «Союза» М. Скверти: «Это был сильный и стойкий человек, способный на костре не изменить ни на йоту своему слову. Глубоко выросший в рабочую среду, заботливый и трогательно любящий семьянин, он осмотрительно и туго воспринимал все новое, не умел увлекаться; но то, что было им воспринято, срасталось с ним, вхо-

¹⁷ Копия не напечатанной во «Вперед!» части статьи Е. О. Заславского была обнаружена в фонде П. Л. Лаврова (ЦГАОР СССР) и опубликована (см. «К истории «Южнороссийского союза рабочих». Публ. Н. П. Рудько. «Советские архивы», 1970, № 3, стр. 80). Автограф всей статьи находится в Амстердаме, в Институте социальной истории, и опубликован Б. Сапиром: «Вперед!» 1873—1877. «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. II. Dordrecht [1970], стр. 489—494.

¹⁸ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. II, стр. 490—491.

¹⁹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 137.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 112, 1875, д. 184, л. 17.

²¹ Там же, ф. III отд., д. 144, ч. 166, литер «Б», лл. 81—81 об.

дило в плоть и кровь навсегда»²². Дмитрий Изотов, происходивший из крестьян Подольской губернии, 16-летним подростком приехал в Одессу и определился по слесарному делу. Любознательный, пытливый, жадный до книг, он скоро сблизился с Заславским. Его роль в «Союзе» заключалась в распространении идей рабочей организации в южных городах России²³.

Примечательна фигура Николая Наддачина. Как и многие его сверстники, он с малых лет дышал фабричной гарью. На заводе Беллино-Фендерих он стал членом организации Заславского. Отделение «Южнороссийского союза рабочих» в Ростове-на-Дону было детищем Наддачина. Там он организовал ссудо-сберегательную кассу, вел пропаганду среди рабочих железнодорожных мастерских. Н. Наддачин, думается, был знаком с «Капиталом» К. Маркса (этот труд значился в его записной книжке), читал «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, интересовался такими произведениями, как «История цивилизации в Англии» Бокля, «Письма об Англии» Луи Блана и др.²⁴. Наддачин познакомил с Заславским своего младшего брата Сергея. Летом 1874 г. тот отправился в Крым, несомненно, с целью революционной пропаганды, ибо Заславский поддерживал с ним связь, называя С. Наддачина своим «товарищем и другом». В январе 1876 г. С. Наддачина арестовали. На допросах он держался умно и с достоинством. «Я стал бывать у Заславского, — показывал он, — довольно часто, и как только имел свободное время, то находил удовольствие провести его в обществе Заславского, с ним я бывал в трактирах, там он встречался с другими мастерами и всегда вел разговоры общие о работах, о положении мастеровых. Никогда никаких разговоров против правительства от Заславского я не слышал..., хотя у меня с ним были близкие отношения»²⁵. Упомянем также с Степане Наумове. Десятилетним мальчиком встал он к наборной кассе. Отличный мастер, Наумов был незаменим в типографии Заславского. Он пользовался доверием и уважением руководителя «Союза» и как ловкий, неутомимый распространитель нелегальной литературы.

3. Евгений Заславский

Е. О. Заславский принадлежал к числу тех деятелей, чьи имена всегда будут дороги рабочему классу. К сожалению, биография этого замечательного революционера и поныне изобилует белыми пятнами. До недавнего времени не была известна даже дата его рождения. Но вот перед нами документ, извлеченный из фондов царского министерства юстиции. Приведем его полностью: «1857 года сентября 16 дня по указу его Императорского величества Правительствующего Сената департамент герольдии определил: дать сие Евгению Иосифу сыну Заславскому в том, что он по заслугам отца его полковника Иосифа Николаева Заславского определением Подольского дворянского Депутатского собрания 3 июля 1857 года признан в потомственном дворянском достоинстве с внесением во вторую часть дворянской родословной книги; каковое определение утверждено Правительствующим Сенатом 12 августа 1857 года; родился же он, Евгений Иосифов Заславский, как удостоверение Могилевская Римско-Католическая Духовная консистория, тысяча восемьсот сорок четвертого года декабря двадцатого числа»²⁶.

По свидетельству внука Е. О. Заславского, его прадед Иосиф Николаевич — участник Крымской войны и обороны Севастополя, кавалер 8 орденов. Евгений Заславский родился в Воронеже, там же окончил гимназию, затем переехал в Москву к старшему брату и поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию, где стал участником польской революционной нелегальной организации, освоил методы конспиративной работы²⁷. Потом Заславский перебрался в Петербург, где, по его словам,

²² М. П. Скверн. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. Одесса. 1921, стр. 20—21.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 112, д. 184, лл. 143—144.

²⁴ «Набат», 1876, № 7—8, стр. 17. Корреспонденция из Ростова-на-Дону.

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 112, д. 184, лл. 119—120.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 1410 (Министерство юстиции), оп. 1, д. 75, л. 3. Во всех документах дознания значится: «Евгений Осипов Заславский». Такое написание и утвердилось в литературе.

²⁷ Эти сведения сообщил в письме в редакцию «БСЭ» Н. В. Терек, внук Е. О. Заславского.

«слушал лекции в разных высших учебных заведениях»²⁸. Впоследствии Заславский рассказывал своим одесским друзьям, что, окончив университет по естественному отселению, он учился еще на юридическом факультете. Кроме того, по свидетельству его жены, Заславский посещал лекции в Технологическом институте²⁹. Будущий руководитель рабочего «Союза» смолоду отличался широтой научных интересов, включавших в свой круг и гуманитарные и точные знания.

После Петербурга достоверные сведения о Заславском обрываются. Известно лишь, что до 1872 г. он был помощником управляющего имениями генерала Колосовского в Полтавской губернии. Приехав в Одессу, Заславский сразу проявил активность: читал в нелегальной школе лекции по политической экономии, анализировал на занятиях роман Чернышевского «Что делать?». «В его речах,— вспоминала ученица этой школы,— чувствовался идеалист, глубоко верующий в исповедуемые им идеи, не политик-практик, а горячий проповедник социального блага»³⁰. 12 ноября 1873 г. Заславский женился на вдове коллежского регистратора М. Г. Бончковской³¹, которая стала и его близким идейным товарищем. На средства жены совместно со своим компаньоном Орловским в 1874 г. Заславский открыл легальную типографию. К этому времени окрепли его связи с рабочими. Особой популярностью пользовался он в железнодорожных мастерских, на заводах Беллино-Фендерих и Гулье-Бланшарда. Рабочие относились к Е. О. Заславскому с большим доверием и глубоким уважением. «С нами, рабочими, обходился хорошо. По вечерам и праздникам я брал у него для чтения книги..., «Всемирного путешественника»³², романы Балтера Скотта, «Происхождение человека» Дарвина»³³,— показывал на следствии типографский рабочий И. Т. Стршебецкий. А вот как вспоминал о Заславском М. П. Сквери: «Ни малейшего проявления темперамента или чувства, ни единой черточки даже самого невинного и естественного тщеславия или самолюбия; ни малейшего оттенка в тоне или обращении, которое напоминало бы о громадном умственном и нравственном превосходстве его над окружающими. Во всех положениях и обстоятельствах он был естественно прост, приветлив, общителен и равен со всеми... Оттого и отношения рабочих к Е. О. Заславскому были свободны, простые, свои; несмотря на то, они сознательно глубоко уважали и любили его, преклонялись перед ним, каждому слову верили»³⁴.

Проследим теперь отношение Е. О. Заславского к вопросам науки. «Занимаясь наукой о человеке вообще, я, желая ближе ознакомиться с типами из различных сословий, захожу в различные трактиры, даже и в такие, которые посещаются простым сословием, но, бывая в этих местах, я никаких разговоров, имеющих политический характер, не заводил с лицами, которых я там встречал»³⁵,— показание Е. О. Заславского от 21 декабря 1875 года. В первый момент можно подумать, что такое объяснение было вызвано необходимостью доказать свою непричастность к революционной пропаганде: занимался, дескать, наукой. Однако в действительности было не только так. Заславский и на самом деле был увлечен «наукой о человеке». Об этом он рассказал в своей корреспонденции, опубликованной газетой «Вперед!», где ему не было нужды утаивать правду. Изучая «вопрос о человеке и об обществе» только по книгам, писал Е. О. Заславский, он пришел к выводу, что «быстрый ход социальной революции в России» связан с деятельностью рабочих, а затем убедился на практике: «Среди рабочей массы вы чувствуете, как сильно растет революционная сила, вы не можете не заметить каждодневного увеличения числа лиц, желающих соединиться в боевую армию революции»³⁶.

²⁸ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 99—100.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 112, д. 189, л. 33. Хотя имя Заславского и не значится в списках окончивших Технологический институт (см. «Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского практического технологического института»). СПб. 1879), это не исключает возможности посещения им некоторых лекций.

³⁰ А. Н. Шехтер. Революционная Одесса в 70-х годах. «Южнороссийский союз рабочих». Николаев. 1924, стр. 113.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 75, л. 3.

³² «Всемирный путешественник» — еженедельный журнал, выходил в Петербурге в 1867—1871 годах.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 187, л. 268 об.

³⁴ М. П. Сквери. Указ. соч., стр. 26.

³⁵ «Рабочее движение в России в XIX в.». Т. II, ч. 2, стр. 100.

³⁶ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. II, стр. 490.

Интерес к развитию человеческого общества, к социально-экономическим вопросам находился в центре внимания передовой российской интеллигенции конца 60-х — начала 70-х годов прошлого века. Именно тогда возник вопрос: что важнее — естествознание или история? Чем должна заниматься мыслящая молодежь: изучением размножения клеток, перерождения видов или историей общественных отношений, выяснением роли человека в борьбе за справедливость? Передовая интеллигенция постепенно покидала Д. И. Писарева с его приматом естественных наук, склоняясь все больше к проблемам человеческого общества, социального прогресса. На этот путь вступил и Заславский, взявшись за изучение социально-экономических вопросов³⁷. В беседе с членом «Союза» П. В. Владыченко, отвечая на вопрос, сколько времени «ушло на науку», Заславский заметил: «И, видите, окончил университет по естественному отделению, ушел в деревню... Тут мне пришлось столкнуться с несколькими, довольно основательно образованными противниками из земцев, и я вскоре убедился, что не обладаю должными юридическими познаниями... Тогда я вернулся в университет — уже на юридический факультет. И вот еще и теперь изучаю социологию»³⁸.

Сквери свидетельствовал, что Заславский был широко образованным и начитанным человеком со склонностью «к научной постановке вопросов». Он даже и на сходках «часто прибегал к научным, физиологическим или психологическим объяснениям и умел делать это очень популярно и понятно для рабочих. Говорил, что научно занимается разработкой политико-экономических вопросов, и получал единственный издававшийся в то время серьезный научный журнал «Знание», новые книжки которого я часто видел у него на столе»³⁹. Увлечение Заславского сугубо научными вопросами не было исключительным для описываемого времени явлением. Скорее это была традиция передовой демократической интеллигенции России, стремившейся к расширению своих знаний в различных областях науки, к поискам путей избавления человечества от социального и политического гнета, несправедливостей общественного строя. Это приводило к тому, что проблемы науки и революции как бы дополняли друг друга: вырабатываясь, условно говоря, научный подход к вопросам социальной борьбы.

Каковы же были политические взгляды Е. О. Заславского? Еще в 1921 г. мемуарист «Союза» М. П. Сквери по этому поводу размышлял: «Не пытался ли он уже тогда противопоставить этим испытанным и не удовлетворившим его приемам (народническим. — Б. И.) планомерную тактику западноевропейского рабочего движения»⁴⁰. Действительно, и воззрения и особенно практическая деятельность Заславского во многом отличаются от деятельности народников и кое-чем роднят руководителя «Союза» с участниками европейского рабочего движения. Достаточно сказать, что Заславский, испытывая влияние народничества (больше всего лавризма), порвал с ним в одном из принципиальнейших вопросов — признал пролетариат наиболее революционным и активным классом России. И в личных беседах с рабочими, и в своих выступлениях на сходках Заславский убеждал слушателей в необходимости подготовки революционного выступления городских рабочих. В своей статье «Отрывок из письма» Заславский писал о том, как нарастает революционность рабочей массы⁴¹. Словом, мировоззрение Заславского было во многом новым для русской общественной мысли 1870-х годов. Оно было переходным между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. Руководителя «Южнороссийского союза рабочих» следует по праву причислить к той блестящей плеяде революционеров 70-х годов, о которых В. И. Ленин отзывался как о «предшественниках русской социал-демократии»⁴².

4. Деятельность «Союза» расширяется

«Южнороссийский союз рабочих» просуществовал недолго — с лета по декабрь 1875 года. Но эти шесть-семь месяцев были предельно насыщены революционной работой, активностью одесских участников «Союза». Еженедельно проходили собра-

³⁷ См. М. П. Сквери. Указ. соч., стр. 27, 45.

³⁸ «Южнороссийский союз рабочих», стр. 99.

³⁹ М. П. Сквери. Указ. соч., стр. 29.

⁴⁰ Там же, стр. 45.

⁴¹ «Вперед!», 1876, № 20.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 25.

ния депутатов — представителей от отделений «Союза», на которых решались наиболее важные вопросы: распространение литературы, прием новых членов, изменения и дополнения в уставе, поручения депутатам «Союза» и др. Депутат был популярной фигурой в рабочей организации. В связи с тем, что депутат ежемесячно переизбирался, революционный актив «Союза» увеличивался. «Пропаганду, — вспоминал Скверри, — вели сами рабочие, у нас не было особых пропагандистов, — и дело у них спорилось; не может быть никакого сравнения с неумелыми попытками интеллигентной молодежи, поступавшей тогда на фабрики для пропаганды... Большинство же рабочих и не смотрело на дело, как на пропаганду; они просто делились с товарищами по работе своими мыслями о Союзе рабочих, интересовывали их, давали книжки и приводили на сходки, которые становились все многочисленнее. Таким образом, вокруг Союза толпилась рабочая масса, вбиравшая в себя идеи Союза и считавшая его своим делом»⁴³. Ведя пропаганду, члены «Союза» старались убедить слушателей в том, что во всех городах России собираются силы революции, что царизм будет свергнут и к власти придут рабочие⁴⁴.

Все многочисленнее становились сходки. Собирались обычно по воскресеньям за Тираспольской заставой. Шли на сходку в приподнятом настроении, с надеждой узнать новое, поговорить о путях революционной борьбы. Вот рассказ рабочего М. Ф. Короленко об одной из таких сходок: «Придя на Тираспольскую заставу, я застал там: Заславского, Силенко, Кравченко, Мишеля из фабрики Бланшарда, Курганского, всего было человек 25—30. Все они сидели на траве, Заславский говорил, как нужно привлечь к ихнему кружку других, что сначала нужно говорить, что без царя лучше, что жить, как живут теперь, скверно, а потом дать почитать книжку вроде такой, как «Сказка о четырех братьях». Другие тут же спрашивали Заславского, как поступать с тем, который не захочет принять советов и читать таких книг. И на эти вопросы Заславский давал разные мнения»⁴⁵. Осенью рабочие собирались в трактирах. «Рассаживались обыкновенно, — вспоминал Владыченко, — группами, за столиками, обменивались новостями, знакомились. Порой небольшая зала трактира не могла вместить собравшихся: народ толпился у столов, в проходах, удивляя многолюдством видавших всякие виды старых буфетчиков. Наконец, пришлось разделиться: решено было впредь собираться в двух разных местах города»⁴⁶.

Дважды члены организации участвовали в стачках. В первый раз, когда «Союз» еще только оформлялся. В январе 1875 г. управление завода Беллино-Фендерих заявило о снижении заработной платы рабочим на 15%. «Товарищество, которому принадлежит завод, — писал Заславский в редакцию газеты «Вперед!», — по своим личным расчетам, без всякого соглашения с рабочими и не имея на то никакого законного основания, уменьшило средства жизни каждого рабочего, отняло часть жизненных сил от нескольких сотен человек, и никаких препятствий к этому не встретило»⁴⁷. Рабочие были возмущены, однако шагов к активному протесту не предприняли. Но вот в цехах завода появилась прокламация, составленная, вероятно, Заславским: «Друзья и братья, последний случай показывает нам, что богачи и правительство соединились для угнетения нашего, для высасывания крови нашей — 15% с рубля это составляет 22 000 руб. в год со всех рабочих. Друзья, соединимся в одно целое, как рабочие других стран, для уничтожения подлого правительства и жадных богачей, которые трагят наши, облитые кровью копейки на разврат и роскошь!»⁴⁸. Прокламация, таким образом, звала не только на борьбу с местными фабрикантами (что было обычным для 70-х годов XIX в.), но и ставила задачу свержения царского строя.

10 января 400 рабочих забастовали. Администрация вызвала полицию. «Бунтовщикам» заявили, что заработная плата уменьшается в связи с плохими делами завода. Этим, собственно, дело и кончилось. Вторая стачка произошла на заводе Бланшарда. В августе 1875 г. администрация не рассчиталась за сверхурочные часы.

⁴³ М. П. Скверри. Указ. соч., стр. 37—38.

⁴⁴ Об этом говорится в показаниях В. Мрачковского (ЦГАОР СССР, ф. 112, 1876, д. 187, л. 6), И. Телятниковой (там же, л. 124) и И. Буканова (там же, д. 184, л. 149 об.).

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 112, 1876, д. 184, лл. 168 об., 169.

⁴⁶ «Южнороссийский союз рабочих», стр. 100.

⁴⁷ «Вперед!», 1875, № 20.

⁴⁸ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. II, стр. 494.

Большая часть рабочих приняла это с угрюмой покорностью. Тогда начала действовать заводская группа «Союза». Типография Заславского отпечатала воззвание с призывом объединиться для борьбы против эксплуататоров. Прокламация возымела действие. Вспыхнула стачка, в результате которой сверхурочные часы были оплачены. Победа на заводе Бланшарда приободрила рабочих других одесских предприятий, подняла авторитет «Союза».

5. Связь с эмиграцией

В числе филиалов «Южнороссийского союза рабочих» выше уже упоминался Кишиневский. До последнего времени о его существовании не было никаких сведений. И только найденный оригинал статьи Заславского, посланной в газету «Вперед!», пролил свет на очень важное обстоятельство. «Каждая неделя, — писал Заславский, — приносит десятки новых членов со всех сторон, где только растяннулись нити этого крепко организованного общества. На последнем общем собрании в июле месяце было решено назвать это общество Союзом Южнороссийских рабочих. В настоящее время этот союз разделяется на три общества — Одесское, Кишиневское и Ростовское»⁴⁹. Следовательно, Кишиневское отделение «Союза» образовалось не в июле 1875 г. (в уставе «Союза» указаны только два отделения — Одесское и Ростовское), когда конституционно оформилась рабочая организация, а к сентябрю — к тому времени, когда писались приведенные нами строки Заславского. Надежность источника не оставляет сомнений в правильности информации. Но суть в том, что если об Одесском и Ростовском обществах «Союза» имеются материалы, то о Кишиневском они отсутствуют. Возникает вопрос: почему для нового отделения «Южнороссийского союза рабочих» избрали бессарабский городок, в котором даже к концу века не существовало развитой фабрично-заводской промышленности? Целесообразно ли было учреждать именно там филиал рабочей организации? Нет, Кишинев приглянулся не социально-экономическим потенциалом, а своим географическим положением, близостью румынской границы, через которую поступала нелегальная литература. В свое время революционный народник Р. А. Стеблин-Каменский писал, что помощнику Заславского Г. А. Попко «приходится для устройства перевозки книг ездить в Кишинев, на границу, и жить там в ожидании возможности перевезти книги...»⁵⁰. Это важное свидетельство понуждает остановиться на вопросе о значении Кишинева в транспортировке эмигрантской литературы.

И. Г. Будак предположил, что «Южнороссийский союз рабочих» переправлял революционную литературу тем же путем, что и бессарабский народник Зубку-Кодряну⁵¹. Еще в 1874 г. последний создал в Кишиневе кружок из радикальной молодежи. Этот кружок был связан с революционерами других городов России, в том числе и Одессы. Агент III отделения отмечал: «В Кишиневе есть комитет социалистов, учрежденный и действующий по образу одесского комитета»⁵². Трудно сказать, о каком «одесском комитете» толкует соглядатай, но для нас важно иное: существовала, стало быть, организационная связь революционного подполья Одессы и Кишинева, возникшая в 1874 г., то есть накануне появления «Южнороссийского союза». В июле 1874 г. лондонская редакция «Вперед!» получила письмо за подписью Блюменфельда. Под этим псевдонимом скрывался Зубку-Кодряну. Он предлагал свои услуги по транспортировке нелегальной литературы через бессарабскую границу. Наведя справки об этом корреспонденте, редакция «Вперед!» отправила в Яссы партию литературы: 200 экз. второго тома нелегального журнала «Вперед!» и 300 экз. брошюры П. Л. Лаврова против П. Н. Ткачева. Посланная литература благополучно попала

⁴⁹ Там же, стр. 490; «Советские архивы», 1970, № 3, стр. 80—85.

⁵⁰ «Былое», 1907, № 5 (17), стр. 183.

⁵¹ И. Г. Будак. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев. 1959, стр. 122.

⁵² К. А. Поглубко. Молодые штурманы будущей бури (Бессарабия в общероссийском революционном движении 60-х — начала 80-х годов XIX века). Кишинев. 1972, стр. 35.

в Россию⁵³. Зубку-Кодряну и в дальнейшем оказывал единомышленникам такую же помощь⁵⁴.

«Окнами» на румынской границе пользовались и другие революционеры. В августе 1875 г. через Кишинев Г. Зданович переправил в Одессу и Москву несколько ящиков нелегальной литературы⁵⁵. Н. Г. Кулябко-Корецкий⁵⁶ транспортировал через Яссы издания «Вперед!». Приведенные факты позволяют не только присоединиться к указанному предположению И. Г. Будака, но и несколько его конкретизировать. Думается, что отделение «Союза» в Кишиневе как раз и было создано для перевозки нелегальной эмигрантской литературы. Не было бы ничего удивительного, если бы связи революционеров Одессы и Кишинева, наметившиеся в 1874 г., продолжались и в 1875 году. Во всяком случае, проблема сношений с русской эмиграцией занимала видное место в деятельности «Южнороссийского союза рабочих».

В ноябре 1875 г. П. Л. Лавров конспиративным путем направил из Лондона в Россию Н. Г. Кулябко-Корецкому письмо, в котором сообщал, что на юге страны возникла рабочая организация во главе с Е. О. Заславским. Лавров просил адресата рассказать об этом петербургским товарищам. «Это дело, — писал он, — по-видимому, весьма серьезное и, при нынешнем стремлении к организации, надо было им воспользоваться немедленно: целая федерация настоящих рабочих, с секциями в трех городах и с программой социально-революционной, совсем готова»⁵⁷. Письмом Лаврова дело не ограничилось. От имени редакции «Вперед!» в Россию (вероятно, в Петербург) была отправлена шифрованная депеша, датированная 9 ноября. Автограф, написанный секретарем редакции «Вперед!» В. Н. Смирновым, сохранился в Амстердаме, в Институте социальной истории. Вот его текст: «На юге образовался революционный союз рабочих. Мы вступили в сношения с Заславским в Одессе. Он знаком с Николаем (Н. Г. Кулябко-Корецкий. — Б. И.). Вступите в сношения с ним и вы»⁵⁸.

Обстоятельства, как видим, складывались весьма примечательно. Представители политической эмиграции из далекого Лондона оповещали петербургское подполье об успешной деятельности союза рабочих в Южной России и давали советы своим друзьям для дальнейших действий. Такой ход дела отражал состояние революционной работы в России, отсутствие в стране элементарных политических свобод и роль в этих условиях политической эмиграции. Получилось так, что русское революционное подполье могло эффективно действовать только в контактах с эмигрантами, которые, в свою очередь, стремились надежно связаться с революционной Россией. Вообще влияние революционной эмиграции сильно сказывалось на участниках «Южнороссийского союза рабочих» и его окружении. Изучая следственные материалы, знакомясь с мемуарами, ощущаешь дух тогдашней эмиграции, заботу ее об издании революционных книг и переправке их на родину. Уже первый донос о «Союзе» вскрыл особенности дела: вместе с ним жандармскому управлению были переданы комплекты изданий «Вперед!», «Работник», отпечатанные за рубежом пропагандистские брошюры⁵⁹. По показаниям свидетеля Я. Пантелеймонова, в одесском трактире «Париж» рабочие беседовали о том, как в Лондоне и Лейпциге печатаются «запрещенные книги» и «привозятся в Одессу пароходами»⁶⁰.

В этой связи весьма интересна деятельность группы «Вперед!» в Лондоне. Чтобы из порта, где швартовались русские пароходы, отправить нелегальные издания в Одессу, нужно было привлечь к делу русских матросов, которые согласились бы исполнить рискованное поручение. Как свидетельствует П. Л. Лавров, тут много и усер-

⁵³ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. I. Dordrecht. [1970], стр. 111—112.

⁵⁴ В мае — июне 1875 г. Смирнов писал из Лондона, что Зубку-Кодряну «в Бухаресте и берется, если нужно, основать новый путь» («Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. II, стр. 285).

⁵⁵ Ю. Я. Норакидзе. Г. Ф. Зданович-Манашвили и эволюция народнических общественно-экономических взглядов в Грузии последней четверти XIX и начала XX вв. Автореф. канд. диссертации. Тбилиси. 1969, стр. 27.

⁵⁶ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. II, стр. 378, 383—384.

⁵⁷ Там же, стр. 395.

⁵⁸ Там же, стр. 294.

⁵⁹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 97.

⁶⁰ Там же, стр. 156.

дно хлопотал эмигрант А. Л. Линеv, установивший летом 1875 г. знакомства среди русских матросов⁶¹. В дальнейшем этим особенно удачливо занимался участник издательской артели «Вперед!» Я. В. Воцакин. Об этом рассказывал В. Н. Смирнов в одном из писем: «Як. Вас. ушел на агитацию в доках. Что ни говори, а эта упорная агитация в доках, упорное снабжение пароходов книжками сыграло немалую роль в движении одесских рабочих. Сколько уж мы отправили в Одессу книг, сколько раздали на пароходах»⁶². Сам Воцакин, оценивая осенью 1876 г. пропагандистскую работу на судах Русского общества пароходства и торговли, приходил к выводу, что наиболее действенными были контакты с представителями «революционных рабочих кружков». Так, при помощи «членов кружка Заславского... было доставлено в Одессу довольно значительное число наших изданий и были получаемы нами иногда корреспонденции и даже деньги»⁶³.

Откуда же исходил почин? Русская революционная эмиграция нашла «кружок Заславского» или революционная Одесса первая протянула руку русским эмигрантам в Лондоне? Из следственных показаний участника «Южнороссийского союза рабочих» Д. Е. Изотова известно, что Е. О. Заславский в начале 1874 г. общался с «машинистом какого-то парохода Дириным»⁶⁴. У нас нет прямых сведений о характере этого общения. Мы знаем, что Дирин навещал Заславского на дому. Знаем теперь и другое: в том же году Линеv получил от этого машиниста корреспонденцию о скверном обращении с матросами на пароходе «Чихачев»⁶⁵. Стало быть, Дирин одновременно был связан и с Заславским и с русской эмиграцией в Лондоне. Больше того. 19 февраля (2 марта по н. ст.) 1876 г. тот же Дирин доставил в Лондон, в редакцию «Вперед!» корреспонденцию Заславского, которую газета поместила в № 29⁶⁶. Эту корреспонденцию Дирин получил в Одессе в конце 1875 года. Следовательно, общение Заславского с Дириным продолжалось около года, развиваясь, вероятно, по вполне четкой линии — связь одесских подпольщиков с лондонской эмиграцией.

Несколько слов о самом Дирине. Иван Григорьевич Дирин служил на пароходе «Чихачев». Жандармы, намереваясь привлечь его по делу «Союза», секретно запросили о нем морское начальство. Тотчас последовал ответ: «Одесская Главная контора Русского общества пароходства, торговли и Одесской железной дороги имеют честь уведомить жандармское управление города Одессы, в ответ на отношение от 4 марта, за № 50, что севастопольский мещанин Иван Дирин находится в настоящее время в Китайском рейсе на пароходе «Чихачев» и возвратится в Одессу не раньше августа месяца»⁶⁷. Дирин каким-то образом заподозрил неладное; в Россию он не возвратился, а решил эмигрировать. С октября по декабрь 1876 г. он находился в Лондоне и работал в наборной «Вперед!»⁶⁸. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Между тем связи рабочей организации с политической эмиграцией привлекли внимание жандармского сыска. Уже первые допросы по делу «Союза» выявили источник поступления революционных изданий, а вместе с тем и пути проникновения их в Российскую империю, установили одного из главных участников этого предприятия. 26 декабря 1875 г. рабочий железнодорожных мастерских П. Тисельский открыл жандармам, что в октябре он встретился в трактире с Заславским, Силенко и Ляховичем. Впоследствии Силенко объяснил ему, что «Ляхович привозил из-за границы много книг противоправительственного содержания, а про Заславского передавал, что он человек замечательный и имел много книг и газеты «Вперед!»⁶⁹. Через несколько

⁶¹ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. I, стр. 114.

⁶² ЦГАОР СССР, ф. В. Н. Смирнова, оп. 1, д. 97, л. 151.

⁶³ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. II, стр. 226.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 112, д. 184, л. 180.

⁶⁵ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. I, стр. 204.

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. В. Н. Смирнова, оп. 1, д. 96, л. 90 об.

⁶⁷ Там же, ф. 112, оп. 1, д. 184, л. 311.

⁶⁸ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. I, стр. 201.

⁶⁹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 102. 31 декабря показание Тисельского подтвердил рабочий Я. Н. Пантелеймонов, заявивший, что в трактире «Париж» Ляхович рассказывал о том, как на пароходе полиция искала «запрещенные книги», которые он привез из Лондона, но он их спрятал в уголь, а затем «сжег 35 фунтов» (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, д. 184, л. 86 об.).

дней после показаний Тисельского Ляхович был арестован. Стало ясно, что революционные издания проникали в Одессу на пароходах. Признаться в плохом досмотре их местным жандармским властям не хотелось. Однако служебные обязанности заставляли сообщить об этом высшим инстанциям. При этом, конечно, жандармы старались, поелику возможно, представить самих себя в выгодном свете. В январе 1876 г. начальник жандармского управления Одессы полковник Кноп донес в III отделение, что Ляхович с ноября 1875 г. перестал служить на пароходе «Лазарев», а затем доложил, что по «его (Кнопа.— Б. И.) инициативе был произведен особо строгий таможенный досмотр» на пароходе «Лазарев», но революционных изданий обнаружено не было. Однако потом агентура выяснила, что книги эти были спрятаны под углем и вскоре сожжены⁷⁰.

Едва «Лазарев» прибыл из очередного рейса, как были допрошены кочегары А. А. Соколов и И. В. Хитков. Но они о Ляховиче никаких показаний не дали⁷¹. Соколов, правда, поведал одну любопытную подробность. «Когда мы были в Лондоне в последнем рейсе, в ноябре месяце прошлого 1875 года,— сказал он,— я видел у второго машиниста на «Лазареве» Виктора Николаевича Спрудина, — он читал газету «Вперед!» в своей каюте вслух какому-[то] ученику с другого парохода, находившегося в то время в Лондоне»⁷². Взялись за Спрудина. Он показал 10 марта 1876 г.: «Газеты и книги противоправительственного содержания мне приходилось видеть в Лондоне, их приносят и предлагают там бесплатно; но я всегда предупреждал служащих на пароходе не брать таких книг и газет, разясняя их вредную сторону»⁷³. Закончив 19 марта 1876 г. предварительное дознание, полковник Кноп все же считал, что вина Ляховича в транспортировке литературы полностью не доказана: «распространял книги революционного содержания и привозил таковые будто бы из-за границы, служа кочегаром на пароходе «Лазарев»⁷⁴.

Дальнейшее судебное разбирательство развеяло это осторожное «будто бы». 12 июня П. М. Силенко показал: Ляхович говорил Заславскому, «что письмо его, Заславского, он доставил в Лондоне в редакцию газеты «Вперед!» и что вез ему оттуда запрещенные книги, но что книги эти, когда разнесся слух, что капитан парохода знает о них, были им сожжены или брошены в море»⁷⁵. На основе этого и других свидетельств обвинительный акт особого присутствия Правительствующего сената прямо указывал, что Митрофан Ляхович «привозил из-за границы запрещенные книги и газеты, которые, как он объяснил, были получаемы им в Лондоне от русских — Пустового и Ларионова»⁷⁶.

Митрофан Ляхович, сын кишиневского священника, в 1863 г. окончил духовное училище⁷⁷. Но служить в церкви ему не пришлось. Поначалу он работал портовым грузчиком, затем кочегаром. Как Ляхович стал участником «Южнороссийского союза», кому принадлежала инициатива транспортировки на пароходе нелегальных изданий из Лондона, долго ли это продолжалось — этого мы в деталях не знаем. До нас дошли лишь некоторые эпизоды, частично проясняющие обстоятельства дела. Ляхович, несомненно, был посредником между «Союзом» и лондонской эмигрантской группой «Вперед!». Он был одним из тех, кто провозил на пароходе «Лазарев» нелегальную литературу в Одессу и доставлял в редакцию «Вперед!» письма Е. О. Заславского. По воспоминаниям П. В. Владыченко, эмигрантские издания поступали к участникам «Союза» сравнительно регулярно. Рабочий типографии Заславского С. Наумов, ведавший получением и распределением этих изданий, даже возмущался тем, что в течение двух недель нет корреспонденции. Присутствовавший при разговоре Заславский объяснил, что речь идет об очередном номере «Вперед!», который по неизвестным причинам за-

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. III отд., д. 144, ч. 166, литер «А», лл. 24—25.

⁷¹ Там же, ф. 112, д. 184, л. 129.

⁷² Там же, л. 128 об.

⁷³ Там же, л. 323.

⁷⁴ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 131.

⁷⁵ Там же, стр. 139.

⁷⁶ Там же, стр. 151. По всей вероятности, Пустовой и Ларионов — псевдонимы, за которыми скрывались представители «Вперед!».

⁷⁷ В ленинградском архиве сохранилось свидетельство об окончании им этого училища (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 1, д. 76, л. 3).

держивается доставкой из-за границы⁷⁸. Когда же ценный груз прибывал, он распределялся между членами «Союза». Вот как об этом рассказывал на следствии рабочий В. Я. Мрачковский: «В доме Заславского мы все 20 человек помещены были в одну комнату, окна которой выходили во двор и были закрыты ставнями... В комнату эту Заславский и рабочий его Наумов принесли большой тюк, более пуда, запрещенных газет «Вперед», «Работник» и запрещенных книг и роздали их всем находившимся там...»⁷⁹.

Отметим, что среди участников «Союза» распространялись не только народнические издания. Наиболее развитые рабочие могли познакомиться с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса. В перечне книг, находившемся в записной книжке Н. Наддачина, значился «Капитал». Об учении основоположников научного коммунизма рассказывалось и на страницах журналов «Современник» и «Отечественные записки», распространявшихся среди участников «Союза»⁸⁰.

Рассмотренные выше отношения «Южнороссийского союза рабочих» с политической эмиграцией значительно обогащают, на наш взгляд, представление о деятельности первой рабочей организации в России, стремившейся изучать опыт европейского социалистического движения (именно это и позволяли сделать эмигрантские издания) и знакомиться с борьбой зарубежного пролетариата.

6. Идеиные противоречия

Революционная литература, проникавшая из-за кордона, просвещала читателя, втягивала его в борьбу с царизмом. Не следует, однако, забывать: то была литература в основном народнического толка. Попадая к читателю-рабочему, она тормозила и затрудняла формирование пролетарского классового сознания. Проследим, как все это происходило, на примере «Южнороссийского союза рабочих». В начале июля 1875 г. в Одессу под именем Ивана Григорьева (он же имел кличку «Рыжий») прибыл член народнической группы «москвичей» Г. Зданович и нанялся кузнецом на завод Зебека и фон Валя (бывш. Фалька). Поселился он у члена «Союза» Г. У. Осуховского. Д. Гренко показывал на допросе: «Осенью прошлого года у помянутого слесаря Осуховского жил какой-то кузнец Иван, приехавший из Москвы и поступивший на фабрику Фалька. Осуховский как-то говорил мне, когда я у него был, что этот Иван приехал для пропаганды в Одессу, что он работать не умеет»⁸¹. В конце июля Зданович уехал в Румынию для организации перевоза эмигрантской литературы. Затем он возвратился в Одессу и жил там до сентября. По материалам прокурора Одесской судебной палаты, Зданович «состоял в близких отношениях с Заславским, посещал его весьма часто и иногда бывал на сходках рабочих»⁸².

Представителем от группы «москвичей» явилась в Одессу О. С. Люботович. О характере ее тамошней деятельности до нас дошли лишь отрывочные сведения. Дознание установило, что во главе «Одесской общины» (то есть отделения «Всероссийской социально-революционной организации») находилась Люботович⁸³. Но деятель-

⁷⁸ «Южнороссийский союз рабочих», стр. 95—96. «Последний разговор,— вспоминал далее Владыченко,— главным образом вертелся вокруг новостей нелегальной литературы, начинавшей в ту пору уже довольно обильно проникать в Одессу, а через Одессу и в соседние города юга России» (там же, стр. 96).

⁷⁹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 136.

⁸⁰ В 1861 г. в №№ 9—11 «Современника» публиковалась работа Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», в которой пересказывалось содержание книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»; в № 4 «Отечественных записок» за 1870 г. была напечатана статья В. П. (В. И. Покровского) «Что такое рабочий день? (По Марксу Das Kapital. Hamburg. 1867)». В этом же журнале (1872, № 4) можно было познакомиться с рецензией «По поводу русского издания книги Карла Маркса».

⁸¹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 123—124.

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1410, 1876, д. 7379, л. 121. Цит. по: Э. А. Корольчук. Из истории «Южнороссийского союза рабочих». «Ученые записки» Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. 1948, № 78, стр. 12.

⁸³ «Государственные преступления в России в XIX веке». Сборник под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. II (1877). Ростов-на-Дону. Б/г, стр. 137—138.

ность «Одесской общины», как заявил об этом товарищ обер-прокурора Жуков, «осталась неизвестной»⁸⁴. Очевидно, в Одессе «москвичи» не смогли по-настоящему вернуться. Окладский, впоследствии запятнавший себя гнусным предательством, расказывал много лет спустя: «Члены Московского кружка, приехавшие из Москвы, увидели, что им нечего делать в Одессе, потому что Заславский не хотел их знакомить со своими кружками из опасения провала по их неосторожности и непрактичности, а сами они не могли вести пропаганду без помощи рабочих, почему и решили разехаться кто куда...»⁸⁵. Нам, однако, думается, что суть здесь не столько в сугубой конспиративности Заславского и не столько в его опасении «неосторожности и непрактичности» приезжих революционеров, сколько в коренном несогласии руководителя «Союза» с направлением их пропаганды: «москвичи» смотрели на рабочих как на потенциальных «ходов» в деревню, к крестьянам, а руководитель «Союза» стремился возбудить политическую активность рабочих ради самих рабочих. Тут крылось глубокое идейное противоречие. И оно не раз обнаруживалось в деятельности «Союза».

Обратимся к источникам, которые позволяют раскрыть взаимоотношения участников «Союза» с одесской революционно-демократической интеллигенцией. Мы уже отмечали роль студентов в кружковых общеобразовательных занятиях с рабочими накануне возникновения «Южнороссийского союза». Проследим дальнейшие контакты. По свидетельству революционерки Г. Ф. Чернявской-Бохановской, в Одессе функционировал в 1875 г. кружок лавристов, получивший название «башенцы»⁸⁶. То были студенты Новороссийского университета Г. А. Попко, Ф. А. Щербина, Л. Добровольский, И. Волошенко, Е. Победоносцев и другие. Попко и Щербину привлекли к следствию по делу «Союза», но судебным властям не удалось доказать их причастность к рабочей организации⁸⁷. Автобиография Чернявской-Бохановской проливает некоторый свет на этот вопрос: «Мы с Е. Н. (Южаковой. — Б. И.) часто бывали в типографии Заславского. Раз как-то пришли по окончании работы, когда уже все рабочие ушли, и проработали весь вечер. Южакова набрала какое-то короткое воззвание, и мы оттиснули его в довольно большом количестве. На следующий вечер мы все ходили, будто прогуливаясь (я шла с Попко), и незаметно, в неосвященных местах, наклеивали свои листочки»⁸⁸. Интересны в этом отношении показания молодого рабочего Г. Лепесина. Он был привлечен по делу о пропаганде в Туле и с осени 1875 г. скрывался в Одессе у студента Щербина. Последнего посещали члены «Южнороссийского союза» «слесарь Кравченко и типограф Заславский», а кроме них, еще И. Волошенко, Л. Добровольский, Г. Попко, то есть те самые «башенцы», о которых пишет Чернявская-Бохановская. Важна и такая подробность в показаниях Лепесина: «Все эти лица занимались выпиской разных статей из газеты «Работник» для пропаганды; кроме того, сочинялись статьи, печатавшиеся у Заславского»⁸⁹.

Таким образом, и автобиография Чернявской-Бохановской, и показания Лепесина подтверждают наличие прямых контактов рабочей организации с народническим кружком «башенцев». Особенно пристального внимания заслуживают Г. Попко и Ф. Щербина как люди наиболее близкие к участникам «Южнороссийского союза рабочих». Со второй половины 1874 г. Попко «является активным революционным деятелем. До самого ареста Заславского Попко — его деятельный помощник: он читает лекции рабочим, обучает их грамоте, устраивает кассы, библиотеки и берет на себя трудное и опасное дело перевозки книг из-за границы»⁹⁰. Из этого текста создается впечатление, что Попко — полный единомышленник Е. О. Заславского, чуть ли не его правая рука. Однако такое заключение опрометчиво. Оно опровергается самим Попко. 21 ноября (3 декабря) 1876 г. в Париже собрался съезд лавристов. Одессу представлял Г. А. Попко. Он говорил: «Опыт пропаганды между одесскими рабочими за 1874 и 75 годы, насколько наш кружок имеет сведения об этом деле, не дал ожидаемых результатов. Хотя дело велось и в широких размерах, но так как оно никогда не дово-

⁸⁴ Там же, стр. 288.

⁸⁵ «Суд идет!», №№ 8—10 (1924), стб. 510.

⁸⁶ Так они назывались потому, что жили в башенке одного из домов.

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 112. оп. 1, д. 187, лл. 9, 37, 158, 350.

⁸⁸ Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 40, стб. 584.

⁸⁹ Цит. по: «Южнороссийский союз рабочих», стр. 73—74.

⁹⁰ Р. А. Стеблин-Каменский. Г. А. Попко. «Былое», 1907, № 5(17), стр. 183.

дилось до конца, то и оказалось, что из всей массы затронутых пропагандой рабочих едва можно было выбрать человек 25 сколько-нибудь годных для окончательной выработки из них сознательных пропагандистов. 15 человек из них, благодаря крайней неосторожности ведения с ними дела, а также благодаря своей неопытности, попали в тюрьму»⁹¹. Ясно, что Попко докладывал съезду о деятельности «Южнороссийского союза рабочих»; упоминание о 15 осужденных не оставляет в этом отношении сомнений. Ясно и другое: докладчик не был доволен деятельностью «Союза», ибо, к неудовольствию этого народника, все ограничивалось распространением «крамолы» среди городских рабочих, не охватывая крестьян.

После разгрома «Союза» одесские лавристы попытались направить пропаганду среди рабочих по иному руслу. Попко рассказывал на съезде: «Принимая на себя обязанность продолжать дело пропаганды между одесскими рабочими, решили организовать дело так, чтобы по возможности избежать прежних ошибок и по возможности достигнуть лучших результатов». Для осуществления этого ставилась задача «выработать» из более подготовленных рабочих «вполне сознательных пропагандистов для народа»⁹². Ориентируясь на крестьян как основную силу социальной борьбы, Попко выступал, так сказать, в роли народника «чистой воды». В этом пункте он, разумеется, расходился с Заславским и его друзьями, что, однако, отнюдь не исключает их взаимодействия в конкретных, практических делах.

Познакомимся теперь поближе с Ф. Щербиной, который был другом Попко. В начале следствия по делу «Союза» Щербина фигурировал как один из главных обвиняемых. Это отразилось и на названии жандармского документа — «О распространении молодыми людьми книг социально-революционного содержания и о пропаганде их в народе. О Евгении Заславском, Сергее Наддачине, Федоре Щербине»⁹³. С 1873 г. Щербина жил в Одессе, будучи студентом физико-математического факультета Новороссийского университета. Кроме того, он давал частные уроки и был корреспондентом «Киевского телеграфа»⁹⁴. У нас нет прямых сведений о его взглядах на ход общественной борьбы. И все же допустимо предположить, что Щербина стоял тогда на позициях революционного народничества. В пользу этого говорит и его деятельность в кружке лавристов-«башенцев», и обнаруженные в его квартире нелегальные издания⁹⁵, и характер его общения с участниками «Союза». 12 июня 1876 г. Силенко показал, что зимой 1875 г. в связи с безработицей он и его товарищи Кравченко, Курганский, Мрачковский, Тисельский и др. решили устроить свою мастерскую. Кравченко указал человека, который мог бы дать средства для открытия такой мастерской. Встреча с этим человеком состоялась в трактире. Им оказался Ф. Щербина. Об этом Силенко рассказывал: «Когда я и Тисельский пришли в трактир, то уже застал[и] там Кравченко с Щербиной, сидевшими за столом и пившими чай; нас обоих Кравченко познакомил с Щербиной, последний начал осуждать Заславского, что он нехорошо поступает в отношении рабочих, делая себя старшим между ними, и очень дурно распоряжается сходками, так что скоро может попасться, затем он начал говорить, что может достать для нас на мастерскую рублей 50 или 100, сколько понадобится, но только с тем условием, чтобы в этой мастерской могли учиться и студенты, дабы отправлять их в деревню для пропаганды рабочими, а не студентами»⁹⁶. Это важное свидетельство Силенко находит подтверждение в показании Тисельского, данном на следствии 17 июня 1876 года⁹⁷.

⁹¹ «Материалы из архива В. Н. Смирнова». Т. II, стр. 235.

⁹² Там же.

⁹³ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1874, 3 эксп., д. 144, ч. 166, литер «А».

⁹⁴ Там же, ф. 112, д. 187, л. 37. В деле сохранилось удостоверение газеты «Киевский телеграф» от 13 июня 1876 г. о том, что «студент Новороссийского ун-та Федор Щербина был ее (редакции.— Б. И.) постоянным и деятельным членом-корреспондентом, причем ему принадлежат и корреспонденции, касающиеся положения одесских рабочих» (там же, л. 102).

⁹⁵ По этому поводу на следствии Щербина ответил: «Квартировал я в доме Крыжановской на Новой Слободке, но по какому случаю в ее доме найдены были запрещенные книги, мне не известно, и кто оставил их там, я не знаю» (там же, л. 38 об.).

⁹⁶ «Южно-русские рабочие союзы», стр. 94.

⁹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 112, д. 187, л. 127.

Итак, Щербина был озабочен тем, чтобы к весне 1875 г. подготовить пропагандистов для очередного похода в деревню. Это был обычный для революционных народников метод, известный в России во время подготовки и затем массового «хождения в народ». Но не только в этом ракурсе интересна описанная встреча. Важно и другое: в чем причина осуждения Заславского Щербиной? Думается, что чисто народнические тенденции студента Новороссийского университета не разделялись Е. О. Заславским, стремившимся к развитию самодеятельности рабочих.

Окружение народников не могло не сказаться на идеологии членов «Союза». С одной стороны, сформировался рабочий союз, отражавший в целом интересы российского пролетариата; с другой — в этом «Союзе» широко распространялась народническая агитационная литература, призывавшая к немедленному народному восстанию. К концу лета 1875 г. в «Союзе» проявились глубокие разногласия. Ряд участников рабочей организации во главе с Ф. Кравченко и Я. Рыбицким требовал, чтобы Заславский объединил действия «Южнороссийского союза рабочих» с деятельностью революционной интеллигенции. Заславский не соглашался с этим. Решено было обсудить этот вопрос на общей сходке рабочей организации. «За городом... на уединенной полянке, скрытой со всех сторон деревьями и кустарниками, собралось около двухсот рабочих. Это была самая многочисленная и в то же время последняя общая сходка. Был солнечный день в конце сентября или в начале октября. Все рабочие принимали живейшее участие в споре Заславского с его оппонентами. Они то расходились по группам и обменивались мнениями между собой, то снова толпились около центра. Заславский в течение двух часов, стоя в толпе, обливаясь потом, задыхаясь от возбуждения и усталости, последовательно и настойчиво опровергал обвинения. Рабочие были почти все на его стороне, и Рыбицкий и Кравченко кончили тем, что вышли из «Союза». Сходка окончилась триумфом Е. О. Заславского и превратилась почти в демонстрацию»⁹⁸. То была не личная победа руководителя «Союза», а убедительное самоутверждение рабочей организации, отстаивавшей самостоятельность и укрепившей свои идейные позиции в борьбе с теми, кто пытался превратить рабочих лишь в посредников революционной пропаганды среди крестьян.

7. Суд царский и суд истории

В декабре 1875 г. агент охраны Толстоносов представил в одесское жандармское управление нелегальные издания, распространявшиеся членами «Союза». Полковник Кноп тотчас распорядился начать дознание. Последовали обыски, аресты, допросы. Сразу выявилась особенность дела: в политическом преступлении обвинялись не интеллигенте, а рабочие. Это обстоятельство заставило Кнопа с горечью признать, что «настоящее общество имеет — по крайней мере, на юге — совершенно новый и весьма серьезный характер», показывающий, что «пропаганда проникла в народ»⁹⁹. Особое мнение высказал начальник одесского жандармского управления о Заславском: «Заславский, должно быть, принадлежит к главной революционной организации в империи»; «не будучи коренным жителем Одессы, он прибыл сюда именно для революционных целей и открыл здесь типографию лишь для того, чтобы, с одной стороны, благовидно маскировать свое пребывание в Одессе, а с другой — посредством рабочих в его мастерской удобнее сноситься с рабочими других мастерских и фабрик и затем в среде их вести противоправительственную пропаганду»¹⁰⁰.

Дознание закончилось в марте 1876 года. Жандармы констатировали: «В Одессе образовалось в среде рабочих фабрик и заводов тайное сообщество, имевшее целью ниспровергнуть существующий государственный и социальный порядок»¹⁰¹. Два месяца спустя министр юстиции предписал члену харьковской судебной палаты Ненарочкину приступить к производству предварительного следствия по делу «Южнороссийского союза рабочих». Ненарочкин прибыл в Одессу. Допросив 38 обвиняемых и

⁹⁸ М. П. Скверин. Указ. соч., стр. 46—47.

⁹⁹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 103.

¹⁰⁰ Там же, стр. 104.

¹⁰¹ Там же, стр. 128.

52 свидетеля, он к исходу мая закончил дело¹⁰². В конце июня из министерства юстиции было получено предписание о перемещении Заславского в Петербург. При этом прокурор одесской судебной палаты считал необходимым, чтобы Заславский «находился под строжайшим надзором и самое отправление его было произведено, по возможности, секретно»¹⁰³. Вслед за тем уже в августе последовало распоряжение об отправке в Петербург П. Силенко, В. Мрачковского, М. Короленко, М. Скверы, М. Ляховича, Я. Ревницкого, Г. Тараненко, С. Наумова, А. Кнеппера, С. Наддачина, Ф. Кравченко, Г. Осуховского, С. Луценко и Н. Наддачина. 24 сентября петербургский полицмейстер сообщил одесскому градоначальнику: «Дворянин Заславский препровожден в С.-Петербургский дом предварительного заключения и сдан в оном под квитанцию за № 786»¹⁰⁴. Примерно в это же время прибыли и другие подсудимые. Но до суда еще было далеко. Только 1 апреля 1877 г. дело о «Южнороссийском союзе рабочих» было передано в Особое присутствие Правительствующего сената. Слушалось оно с 23 по 27 мая.

Вот любопытная оценка, данная судебному разбирательству одним из современников: «Тускло и неприметно прошло это негромкое дело среди ярких процессов, приковывавших всеобщее внимание, как дело 193-х и процесс 50-ти. Не было пламенных речей и громких дел; среди участников не было видных колоритных фигур, способных сосредоточить на себе внимание, вызвать удивление или восторженное сочувствие. На скамье подсудимых молчаливо сидели рабочие — слесари, литейщики, кузнецы, наборщики и среди них только один, скромный, молчаливый, больной интеллигент не первой молодости»¹⁰⁵. Правительствующий сенат установил, что в Одессе в 1875 г. образовалось «противозаконное сообщество рабочих, поставившее себе целью в более или менее отдаленном будущем ниспровергнуть существующее правительство в государстве»¹⁰⁶. Основная вина его руководителя Е. О. Заславского заключалась в том, что он «склонял к участию в нем других лиц, составил устав сообщества и был главным руководителем во всех действиях этого сообщества»¹⁰⁷. В приговоре указывались «общники» Заславского, раскрывалась их деятельность, определялся состав преступления и, наконец, мера наказания.

Организатор и руководитель «Союза» Е. О. Заславский был приговорен к 10-летней каторге с лишением всех прав состояния; Я. Рыбицкий и Ф. Кравченко — к 5 годам каторги с лишением всех прав состояния; С. Наумов, П. Силенко, М. Ляхович, В. Мрачковский и М. Скверы — к поселению в Сибирь с лишением всех прав состояния; С. Луценко, М. Курганский — к исправительным арестантским отделениям на 2 года; М. Короленко — к 1 году и 3 месяцам тюрьмы; Г. Тараненко, Н. Наддачин, Ф. Соколов и К. Волощук — к 3-месячному заключению с последующей отдачей первых трех под надзор полиции¹⁰⁸. Так царское правительство расправилось с застрельщиками борьбы за освобождение российского рабочего класса...

Выше уже говорилось о болезненном состоянии Е. О. Заславского. Арест сильно подействовал на него, а откровенные показания некоторых участников «Союза» оказались большим ударом. Душевное равновесие нарушилось. Появились странности в поведении. Еще до отправки Заславского в Петербург врачи заподозрили у него умопомешательство. Двукратное медицинское освидетельствование арестанта если и подтвердило их подозрения, то все же не помешало отправить больного по этапу. В Петербурге он был помещен в психиатрическую больницу, где и содержался почти до открытия судебных заседаний. Тотчас после приговора Е. О. Заславский был возвра-

¹⁰² ЦГАОР СССР, ф. 112, д. 187.

¹⁰³ ГАОО, ф. 2, 1876, д. 1501, лл. 24—24 об.; «Южнороссийский союз рабочих», стр. 156.

¹⁰⁴ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., д. 144, ч. 166, лл. 65—72.

¹⁰⁵ М. П. Скверы. Указ. соч., стр. 8.

¹⁰⁶ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. II, ч. 2, стр. 158.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ После приговора М. Курганский и С. Луценко подали прошение о помиловании (ЦГАОР СССР, ф. 112, д. 190, лл. 354, 360). Наказание было смягчено — они освобождались от заключения в исправительных арестантских отделениях и подчинялись особому надзору полиции в течение четырех лет. Был смягчен приговор и трем другим подсудимым — П. Силенко, С. Наумову и М. Ляховичу: вместо Восточной Сибири их сослали в Западную.

щен в больничную палату. Здоровье его быстро ухудшалось. Жена ходатайствовала о помиловании. Заславского «помиловали» сокращением срока каторги с 10 лет до 6. Вскоре обнаружился туберкулез. Жена вновь обратилась к властям с просьбой заменить каторгу ссылкой в Сибирь, куда она намеревалась отправиться следом за ним вместе с детьми.

Пока в «сферах» рассматривалось последнее прошение, приговор начали исполнять: 11 февраля 1878 г. «Заславский был выслан по назначению». Но состояние осужденного было настолько тяжелым, что последовало распоряжение возвратить его со станции Колпино в Петербург. Опять Литовский тюремный замок, опять больница... Мария Григорьевна Заславская все обивала пороги приемной министра юстиции графа Палена и других высокопоставленных особ. 24 апреля 1878 г. произошло еще одно освидетельствование больного: «Особое присутствие признало Заславского здоровым, психически, но, приняв во внимание истощенный наружный вид Заславского, указывающий на упадок питания, а также на те найденные изменения в легких, нашло необходимым лечить его, почему Заславский из больницы Св. Николая Чудотворца переведен в больницу тюремного замка»¹⁰⁹. Дни Заславского были сочтены. Осведомленный об этом, Александр II удовлетворил просьбу Заславской: каторгу заменили поселением в Томской губернии. Однако воспользоваться монаршим «милосердием» не пришлось: 13 июня Заславский скончался в больнице Литовского тюремного замка.

Деятельность организации «Южнороссийский союз рабочих», возникшей сто лет тому назад, протекала в эпоху господства в русском освободительном движении революционеров-разночинцев, вступивших в самоотверженную борьбу с самодержавием. Главное место в этой борьбе отводилось ими крестьянству и революционной интеллигенции; городским рабочим предназначалась в ней лишь вспомогательная роль. Эта народническая доктрина, отрицавшая ведущую роль пролетариата, имела в 1870-е годы глубокие корни и получила широкое распространение в революционном подполье России. Особо знаменательно в таких условиях появление первых рабочих организаций, в которых пролетариат заявил о своей самостоятельности, выдвинул задачу политического освобождения трудящихся России. Оценивая деятельность «Южнороссийского союза рабочих» и «Северного союза русских рабочих», В. И. Ленин писал: «...Эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»¹¹⁰. Так в середине 1870-х годов в российском освободительном движении рабочими был сделан первый шаг в борьбе за политическое освобождение трудящихся.

¹⁰⁹ ЦГАОР СССР. ф. 112. л. 190. т. 396.

¹¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 245.